

ВОСПОМИНАНИЯ П. С. БОГОСЛОВСКОГО О СОЗДАНИИ ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА И ЭКСПЕДИЦИИ 1917 ГОДА

Публикация Н. Л. Николаевой

Павел Степанович Богословский (1890—1966) — фольклорист, литературовед, историк, археолог, уральский краевед. Все научные интересы ученого были связаны с родным Пермским краем. Родился П. С. Богословский в с. Веретия Соликамского уезда Пермской губернии в семье потомственного священника. Окончив духовное училище в Соликамске и Пермскую духовную семинарию, в 1909 г. он поступил в Петербургский историко-филологический институт на отделение русского языка и словесности; параллельно с 1911 г. учился в Археологическом институте. После окончания учебы в 1913 г. П. С. Богословский вернулся в Пермь и работал во 2-ой мужской гимназии, когда произошло важное для Перми и всего Урала событие — в городе был открыт университет. В 1917 г. решением Петроградского университета П. С. Богословский был определен профессорским стипендиатом по кафедре русского языка и словесности и сразу же прикомандирован ко вновь открытому университету. В 1919 г. молодой ученый сдал испытания на магистерскую степень и в начале 1920 г. был избран приват-доцентом, а чуть позже — заведующим кафедрой русской литературы Пермского университета.

Пермский период стал самым плодотворным в жизни П. С. Богословского. К этому времени относится большинство его статей, сохранивших свое научное значение до наших дней. Однако в эти же годы в жизни ученого произошли драматические события. В 1932 г. ему были предъявлены обвинения в неактуальности и контрреволюционности некоторых его научных работ. Ученый вынужден был покинуть Пермь. В 1935 г., уже когда П. С. Богословский жил в Москве, он был арестован, осужден по статье 58 (контрреволюционная агитация) и отправлен в исправительно-трудовую колонию КАРЛАГа в Казахстане. После освобождения в 1940 г. П. С. Богословский жил и работал в Караганде, являясь профессором Карагандинского учительского института. В 1946 г. ученый сделал попытку вернуться в родной Пермский университет, но отношения здесь, видимо, не сложились, и в 1948 г. П. С. Богословский уезжает в Москву к одному из сыновей. Подробное изложение биографии и освещение научной деятельности П. С. Богословского можно найти в статье Т. Г. Ивановой.¹

Наша публикация посвящена двум рукописям П. С. Богословского из его мемуаров, которые ученый писал в конце жизни.² Для публикации отобраны «Университетские фрагменты» и «Факультетская экспедиция 1917 года» (РО ИРЛИ,

ф. 690, оп. 2, № 27; машинопись). Первый документ имеет на титульном листе помету «1961 г. Август. На даче у Бори».³ «Университетские фрагменты» содержат информацию об истории создания Пермского университета, основанного в 1916 г.; рисуют штрихи к биографиям первых профессоров и преподавателей университета; дают представление об общей обстановке на Урале в период между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г. К сожалению, эта часть воспоминаний не закончена и обрывается на самом интересном месте — на том эпизоде, когда члены фольклорно-этнографической экспедиции, руководимой П. С. Богословским, были задержаны жителями вишерской деревни Бахари по подозрению в шпионаже в пользу Германии. Второй документ — «Факультетская экспедиция 1917 года» — содержит дополнения к первой части и рассказывает о пребывании экспедиции в Соликамске, Чердыни, Орле-городке и Пыскоре.

Данные биографического характера, имеющиеся в воспоминаниях П. С. Богословского, являются очень ценным материалом для характеристики людей, о которых известно довольно мало, но которые были видными фигурами русской науки и общественной жизни Урала начала XX в. Такова, например, ситуация со сведениями о талантливом ученом-филологе, специалисте по древнерусской литературе А. П. Кадлубовском. Если библиографию его трудов можно собрать, просмотрев научные издания начала XX в., то биография ученого практически неизвестна; лишь в «Списке профессоров и преподавателей историко-филологического факультета Петроградского университета на 1917 год»⁴ мы находим скудные данные о А. П. Кадлубовском. К сожалению, П. С. Богословский не раскрывает тайну гибели А. П. Кадлубовского и его семьи в годы Гражданской войны, указывая только, что «произошла страшная трагедия». Чтобы выяснить, что же произошло с известным ученым в это время, установить хотя бы дату смерти, требуются дополнительные разыскания. Воспоминания П. С. Богословского содержат чрезвычайно интересные сведения об известном пермском меценате Николае Васильевиче Мешкове, сыгравшем важную роль в становлении университета. Здесь говорится также о просвещенной семье чердынских промышленников Алиных.

О некоторых лицах, упомянутых в воспоминаниях П. С. Богословского, дополнительных сведений нам найти не удалось. Так дело обстоит с С. П. Голкиным, преподавателем Пермского университета, членом экспедиции П. С. Богословского; Г. А. Орловым, директором 2-ой мужской гимназии; болгариним Раевым и др. Тем ценнее публикуемые мемуары П. С. Богословского, вносящие дополнительные данные в пермское краеведение.

При подготовке рукописей к печати в комментариях была собрана информация о лицах, упоминаемых в мемуарах, и исторических местах Прикамья, которые посетила экспедиция. Мелкие опечатки в тексте исправляются без оговорок. В более сложных случаях даются пояснения в комментариях.

---

¹ *Иванова Т. Г.* П. С. Богословский и его фонд в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 3—35.

² См.: РО ИРЛИ, ф. 690 (П. С. Богословский), оп. 2, № 24 («Соликамские фрагменты» — об учебе в духовном училище); № 22 и 23 («Петербургские фрагменты» — об учебе в Петербургском историко-филологическом институте); № 28, 29, 26 («Жизнь в могиле» и «Казахстанские фрагменты» — о заключении в сталинских лагерях).

³ *Боря* — Борис Павлович Богословский, сын ученого. В фонде фольклориста сохранились его письма к отцу (РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 3, № 251—253); детская ха-

рактеристика сыну дана П. С. Богословским в документе, названном «Детский альбом» (оп. 2, № 20).

⁴ Петроградский университет. Филологический факультет. Список профессоров и преподавателей историко-филологического факультета бывшего императорского Петроградского университета с 1819 года. Пг., 1917. С. 22.

I. УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ФРАГМЕНТЫ

О Пермском университете я мог бы написать очень и очень много, так как хорошо знаю историю его создания еще с «эмбрионального», так сказать, его состояния и был активным участником его создания. Но в данный момент я ограничусь лишь фиксированием отдельных моментов из истории Пермского университета, фрагментарными записями отдельных фактов из его деятельности и данными персонального характера, лично мне известными. Я знал личный состав всех факультетов Пермского университета, почти со всеми научными работниками их был знаком, начиная опять-таки с первых лет его существования.

Мне хочется сохранить для истории многие факты университетской жизни, память о многих личных встречах.

За Пермский университет шла упорная борьба. Право на университет оспаривали другие города. А главное, надо было создать в Перми необходимую базу для открытия университета. Много сделали город и земство в этом отношении, но роль Мешкова Николая Васильевича,¹ отдавшего массу энергии и материальных средств для будущего университета, совершенно исключительная. Основное здание для университета было представлено Мешковым, им же даны и миллионные средства. Мало того: Мешков убеждал, кого² только можно, в необходимости всеми средствами создать университет в Перми.³ Мешкова я лично знал, знал непосредственно, что им делалось для университета, а после Октября я виделся с ним в Москве в 1924 г., когда он состоял консультантом в НКПС,⁴ за несколько недель до его смерти,⁵ много с ним беседовал о Пермском университете и убедился, что все его мысли были сосредоточены на нем.

Открытие университета в Перми раскрывало широчайшие перспективы для города и края, поэтому реализации этой мечты содействовали очень и очень многие из пермского общества. Я и Чижов В. Е.⁶ писали статьи, везде говорили о необходимости поддержки университета, пропагандировали эту идею среди учащейся молодежи.⁷

Для открываемого университета нужны были квартиры. Вся наша семья во главе с папой решила отдать старый дом, где была свободная квартира из 4-х комнат, для профессоров. Мало того: вся семья из семейных сыновей,⁸ вместе с родителями, перешла в верхний этаж нового дома, где и разместилась с трудом. Нижний этаж нового дома, где была квартира из 6 комнат, также была предложена для профессоров. В старом доме у нас поселился профессор по кафедре философии Сырцов Анатолий Иванович.⁹ В новом доме квартиру занял профессор по кафедре истории Дьяко-

нов Александр Петрович.¹⁰ Обе квартиры часто посещала профессора.

КАДЛУБОВСКИЙ Арсений Петрович.¹¹

Первым деканом историко-филологического факультета в Перми был экстраординарный профессор, магистр русской словесности и языка А. П. Кадлубовский — из состава Петроградского университета. Ему было лет 50.

Это был прекрасный знаток древнерусской литературы и народной словесности. Диссертация его была посвящена памятникам агиографии.¹² А. П. был очень эмоциональный человек, очень культурный. Он был моим руководителем, когда я был оставлен для подготовки к профессорскому званию при Петроградском университете. Между прочим, он был религиозный человек. Когда был профессором в Харькове, часто посещал церковь и читал на клиросе. В Пермь он приехал с двумя девочками-гимназистками. Жена его жила в Крыму, где у нее была дача с розарием. Во время гражданской войны с его семьей произошла страшная трагедия. Тогда же погиб и сам Арсений Петрович.¹³

Из учеников А. П. следует отметить Белецкого Александра Ивановича¹⁴ и Булаховского Леонида Арсеньевича,¹⁵ академиком Украинской Академии наук.

Помню неоднократные разговоры в профессорской среде факультета в 1916—1917 гг. о привлечении в Пермский университет А. И. Белецкого. Особенно горячо этого желали Арсений Петрович и С. П. Обнорский.¹⁶ Белецкий почему-то в Пермь не приехал, а приехал в следующем году другой ученик А. П. — Булаховский Л. А.

Весной 1917 года на средства, данные Н. В. Мешковым, наш факультет осуществил экспедицию по Каме в Усолье, Пыскор, Соликамск и Чердынь и по Вишере. Цель экспедиции — ознакомление с рукописными памятниками и собирание материалов о местных говорах. Экспедиция была в составе: профессора А. П. Кадлубовского, П. С. Богословского (начальник экспедиции), И. Г. Раева¹⁷ и преподавателя С. П. Голкина.¹⁸ Между прочим, по возвращении из экспедиции А. П. написал письмо известному знатоку рукописной повествовательной литературы профессору Ленинградского университета Илье Александровичу Шляпкину¹⁹ (моему учителю по русской палеографии) с запросом о ряде интересных рукописных повестей, найденных нами в Усольском музее. Шляпкин ответил, что среди названных нами древнерусских повестей есть несколько совершенно неизвестных в науке. К сожалению, происшедшие вскоре политические события прервали нашу интересную научную переписку. Между прочим, Шляпкин очень заинтересовался открытыми нами рукописями и обещал «порыться» в древлехранилищах для дальнейшего уточнения научной ценности этих памятников.

В 1917 году я по линии церковно-археологического общества, где я состоял заместителем председателя,²⁰ организовал публичную лекцию А. П. Кадлубовского на тему об элементах народного творчества в древнерусской письменности. Лекция собрала многочисленную аудиторию (зал был переполнен). Лекция прошла очень живо, с яркими иллюстрациями.

Арсений Петрович сыграл огромную роль в моем научном развитии. Проблема взаимовлияния народного творчества и русской литературы, особенно древней, приобрела для меня под влиянием А. П. углубленный интерес.²¹

Для подготовки к магистерским экзаменам А. П. предложил мне московскую, так называемую «тихонравовскую» программу.²² По его совету я начал подготовку с ознакомления с описаниями рукописей, особенно Горского и Невоструева.²³ Описания эти я и раньше знал, но сейчас начал их изучать глубоко, с сопоставлениями, выписками и т. д.

РАЕВ Иван Георгиевич.

Раев служил библиотекарем в Пермском университете в первый год его существования в отделе иностранной литературы. Он знал языки, особенно славянские. Раев был болгарин, учился в Лейпцигском университете, был учеником известного слависта профессора Лескина,²⁴ учебник которого по старославянскому языку, переведенный на русский казанским профессором Петровским (кажется, в 1914 году), считался у нас хорошим учебным пособием.²⁵ В лейпцигской консерватории по классу фортепиано в то время училась Вера Александровна Тупицына, дочь Пермского заводчика, владельца первого в России фосфорного завода А. Е. Тупицына²⁶ (завод принадлежал братьям Тупицыным).²⁷ Раев и Вера Тупицына, которую называли красивой барышней, полюбили друг друга и поженились, приехали в Пермь. Раев поступил преподавателем в Пермскую II-ю гимназию, имел уроки русского и латинского языка.²⁸

Когда в 1914 году началась война с Германией, положение Раева, как болгарина, поскольку Болгария оказалась в союзе с Германией,²⁹ стало очень неудобным. Директор гимназии Г. А. Орлов в целях перестраховки уволил Раева. Иван Георгиевич обратился в университет. Факультет его принял в библиотеку как образованного слависта, по представлению А. П. Кадлубовского при поддержке С. П. Обнорского.

Весной 1917 года Раев принял участие в нашей факультетской экспедиции по Каме и Вишере. Между прочим, во время этой экспедиции были происшествия, характеризующие то время (лето 1917 года). По Вишере тогда не было регулярного пароходного сообщения, приходилось пользоваться случайным транспортом для поездки по чрезвычайно интересной реке. Когда были в Чердыни, я, узнав от Алиных³⁰ о том, что на другой день должен отправиться небольшой буксирный пароход с двумя баржами по Вишере, разыскал капитана этого пароходика и попросил его взять на борт нашу университетскую экспедицию. Капитан оказался толковым человеком, об университете в Перми он, конечно, слышал, но когда я сказал, что нашей экспедиции всячески содействует Н. В. Мешков, который рекомендовал мне от его имени в случае надобности обращаться за поддержкой к работникам пароходств, капитан сразу же очень любезно предложил нам перебраться на его пароход и даже предложил нам на время поездки свою каюту. Я просил довести экспедицию до Усть-Улса. Это был редкостный случай попутешествовать по Вишере, мало доступной для научных поездок.

Кроме нас на пароходе было несколько человек случайных пассажиров. Среди них матрос Черноморского флота, очень живой и бравый (не могу вспомнить его фамилию). Он быстро с нами разговорился, о себе сообщил, что сам он из деревни Морчаны и едет для революционной большевистской (это он подчеркнул) агитации и пропаганды по Вишере, и между прочим, в бывший Кутимский завод,³¹ бывший когда-то, в конце XIX века, французской концессией. Я припомнил, что в Кутимском заводе тогда служил в бухгалтерии мой дядя по материнской стороне Василий Федорович,³² когда он окончил свою солдатскую службу в Соликамске.

Мы весь вечер любовались красивыми берегами Вишеры и береговыми скалами. Рано утром мы были разбужены какой-то сценой на пароходе и громкими криками. Оказывается, пароход проводил свои баржи по очень трудному месту, при неопытности можно было разбить баржи о скалы или посадить их на мель. Все зависело от мастерства и опыта капитана. С рупором в руке он командовал проводкой баржи. Бесперывно кричал рулевым на баржах, управлял при этом движением парохода. Было раннее чудесное утро, розовые еще облака и перед нами красавица Вишера, не уступающая своими красотою Чусовой. На пароходе все было в движении, начиная с капитана. Мы залюбовались этой картиной. Капитан нам напомнил знаменитого³³ Савоську из прекрасного очерка Мамина-Сибиряка («Бойцы»)³⁴. Члены нашей экспедиции получили истинное удовольствие, наблюдая искусное проведение барж по Вишере. Впечатления от этого остались надолго. Особенно доволен был Арсений Петрович, а также Раев И. Г.

Но дальше нас ждали еще новые переживания. Когда мы проплывали мимо известного «камня»-скалы «Говорливый», бесконечное число раз передававшего эхо, все мы кричали, пароход свистел, «Говорливый» реагировал на это многократным эхом. Раев вошел в экстаз. Он вдруг бросился на их³⁵ с парохода, неожиданно выхватил из кармана револьвер и сделал из него несколько выстрелов. «Говорливый» ответил дробным эхом.

Все мы слушали это эхо с удовольствием, но сам по себе револьвер и выстрелы были для всех полной неожиданностью (хотя после Февральской революции револьверы среди населения были не редкостью). Как мне показалось, больше всего заинтересован этим был черноморский матрос. С некоторым недоумением, а потом очень внимательно смотрел теперь матрос на Раева.

Мы проезжали деревню Бахари, на правом берегу Вишеры, расположенную у подножья горы Полюд, о котором среди местного населения ходила легенда, связанная с богатырем Пелей.³⁶

По нашей просьбе капитан высадил нас у Бахарей, так как в нашем маршрутном плане намечен был подъем на вершину Полюда. Капитан обещал нам в дальнейшем довести нас до Усть-Улса, но происшедшие с нами в Бахарях события помешали осуществить это намерение.

Полюд славился своей вершиной с замечательным видом на безграничное хвойное море. Эту вершину стремились посетить все путешественники, бывавшие на Вишере. Полюд известен был и по литературе. Поэтому когда мы наметили посещение вершины По-

люда, Раев И. Г., ярый турист, совершивший восхождение в Альпах, запасася для подъема на вершину Полюда своим альпинистским³⁷ туристическим костюмом, вплоть до красивой шляпы. Кадлубовский, любитель туристических походов, долго живший в Крыму, также заранее предвкушал удовольствие совершить подъем на Полюд. Мы зашли в Бахари, остановились у большого дома «пятистенки». Ворота были запорты. На наш стук, под оглушительный лай деревенских собак, ворота наконец открылись, вышедший глуховатый старик долго не мог понять, что нам от него надо. Помогать в разговоре начали мальчишки, давно собравшиеся около дома, правда, в отдалении. Оказалось, что в Бахарях жители были охотники и сейчас дома почти никого не было, все взрослые были в лесу. Кое-как уговорив старика, убедив его, что мы не шабашники, принять нас в дом, оставив свои чемоданы в большой, чистой половине дома, мы затем в сопровождении мальчишек направились к Полюду, причем впереди шел, чрезвычайно оживленный,³⁸ наш «альпинист» И. Г. Раев, переодетый в горный костюм и надевший альпинистскую шляпу и превратившийся в диковинного туриста. Кадлубовский шел в своей немецкой крылатке, тоже похожий на иностранца. Мы совершили подъем на вершину Полюда не со стороны скалы, где по пути можно было встретить препятствия, в преодолении которых сердца наших «альпинистов» испытали бы радостные волнения. Мальчишки из Бахарей повели нас по дороге, представляющей постепенный подъем. Иногда лишь мы от непривычки испытывали затруднения и даже вынуждены были отдыхать. Но зато мы были вознаграждены на вершине горы открывшимся перед нами действительно чудесным, незабываемым по мощи и красоте, красоте своеобразной, видом на окрестности. Полюбовавшись, мы отдохнули и подкрепились в домике, в котором проживали две старушки-монашки. На вершине построена была сторожевая будка для наблюдений за лесными пожарами. Отсюда проводился сейчас телефон для сигнализации. Спускаясь с горы, мы столкнулись несколько в стороне от дороги с группой рабочих, установливающих столбы для телефона. Оказывается, это были военнопленные австрийцы. Тут Раев допустил новую ошибку, вызвавшую в дальнейшем большие осложнения. В своем альпинистском костюме Раев заговорил с военнопленными по-немецки. Это вызвало подозрение у конвоира, а мальчишки, сопровождавшие нас, после этого разговора даже с испугом посмотрели на нас и шли дальше на значительном расстоянии от нас.

Спустившись под вечер в Бахари, мы опять должны были долго стучаться, чтобы попасть в дом, где оставлены были наши чемоданы. Посоветовавшись со спутниками, я отправился разыскивать школьных учителей, чтобы с помощью их осуществить свой план по записи произведений народного творчества и по изучению местного говора. Нас особенно заинтересовало название деревни «Бахари». Мы усматривали в нем что-то традиционное, восходящее к древнерусским бахарям. Тем более население Бахарей было старобрядческим, тип деревенских построек был старинный, охотничий промысел населения содействовал сохранению глубокой поэтической старины. Все это сулило нам богатую жатву по части фольк-

лора. С трудом удалось разыскать учительницу. Она была уже молодая, очень нас дичилась и производила впечатление недалекой женщины, даже какой-то туповатой. Напрасно я ей говорил о Пермском университете, о цели научной экспедиции, напрасно просил помочь нам, фольклористам, в собирании старинных песен, сказок, легенд. Я просил указать нам имеющихся в деревне певцов, сказочников, старых людей, знающих легенды, новеллы и т. д. Учительница отнекивалась, говорила, что нужных нам в деревне людей нет и почему-то очень смущалась, временами взглядывала на нас как-то пугливо. В конце концов все-таки пообещала направить к нам каких-то старушек, певших на свадьбах старинные песни. Помогли нам опять-таки мальчишки. Они все время были сейчас около нас, прислушивались к разговору с учительницей, они быстро сообразили, кого мы ищем и, переглянувшись, стали нам называть разные имена лиц, которые, по их словам, знали много сказок и песен. Они пообещали нам привести этих людей. Наконец, мы насели в большой половине пятистенки и стали ждать своих сказочников и певцов. Признаться, мы очень устали и стали уже терять надежду на успех.

Прошло немало времени, пока показался довольно бодрый старик, которого вели мальчишки. Поговорив со старым хозяином, пришедший долго кашлял, наконец, вошел к нам. «Здравствуй, дедушка, садись к столу, гостем будешь», — приветливо заговорил А. П. Кадлубовский. Старик низко поклонился и, покашливая, подошел к столу, перед этим он внимательно посмотрел на передний угол, увидев там темный образ, перекрестился несколько раз.

С большим трудом стали мы выкачивать из старика фольклорные крупички. Вскоре подошли две довольно бойкие старушки «песельницы». По улице прошло несколько человек. В избу стали входить один за другим мужики, но к нам не подходили, садились на лавку, почему-то с подозрением на нее поглядывали, переглядывались и вполголоса перебранивались отдельными словами. Зашел, должно быть, из леса, с охоты, <...>³⁹ здоровый медведеобразный мужик. Посидев несколько минут на лавке, он вдруг стал, когда «песельница» стала напевать свадебную песню, хрипло обратился к нам: «Это что же, граждане (видимо, это слово проникло и в Бахари). Народ в окопах мучается, а вы тут песнями да сказками тешитесь. Это что-то неладно выходит. Только немцам <нужна>⁴⁰ ваша канитель-то». Мы от неожиданности замолчали. Песельница оборвала песню на полслове. «А кто у вас, граждане, за начальни-ка будет?» — сурово спросил мужик. Я ответил. Мужик, видимо, удивился и усмехнулся: «Это что же, кажись самый молодой? Ксе-нофан! — обратился он к соседу, молодому и подвижному. Иди, садись, грамотей, к столу, я чинить допрос буду».

Оба подошли к столу. Раев, сидевший с краю, пересел к окну и открыл его. Приближались уже сумерки.

— Фамиль ваша, начальник? — впился в мое лицо допросчик.

— Богословский.

— Это что же, фамиль, кажись, русская и обличье тоже нашен-ское, — несколько недоуменно сказал он.

— Я русский.

— Не рассуждай, давай паспорт для проверки.

Я протянул свой мандат и паспорт.

— Смотри, Ксенофан.

Ксенофан долго читал, переворачивая несколько раз документы, наконец произнес: «В порядке, печати есть, русский».

— Вы, старичок почтенный, из немцев будете? — обернулся допросчик к Арсению Петровичу. Кадлубовский вздрогнул. Его глаза через очки гневно сверкнули.

— Почему так думаете?

— Уж больно пальтишко-то у вас немецкое, настоящее немецкое, папаша. Я видел на фронте таких стрикулистов.

Кадлубовский хотел что-то сказать, но лишь полный негодования отвернулся.

— Это русский ученый, и большой ученый, — сказал я. — И его надо очень уважать. Вот его паспорт.

Ксенофан ознакомился с паспортом Арсения Петровича, хмыкнул: «Печати на месте, русские».

— Лучше смените лопотинку, папаша.

Допросчик быстро повернулся к Голкину. У Сергея Павловича был восточный большой нос, он был брюнет и сильно картавил. Он очень обижался, когда его принимали за еврея, а это бывало часто. Голкин был коренной ярославец, считал себя потомком известного из петровской эпохи купца Иголкина.

— А ты, жидюга, должно, на немца работаешь?

Высоченный мужик как-то навис над маленьким юрким Голкиным. Голкин весь задрожал.

— Я русский, чистокровный русский, — завизжал он и быстро закрестился. — Голкин я, ярославский.

Допросчик ухмыльнулся.

II. ФАКУЛЬТЕТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1917 ГОДА

Еще немного об экспедиции по Каме. Н. В. Мешковым, всемерно содействовавшим нашей экспедиции, даны были указания по части транспорта. Нам были предоставлены 4 одноместные каюты первого класса. Перед самым отъездом произошло одно обстоятельство.

Арсений Петрович стоял у стеклянной двери салона. Неожиданным порывом ветра дверь вырвало у него из рук, она с силой хлопнулась и большое цветное стекло вылетело со звоном. Кадлубовский побледнел и молча, с тревогой, смотрел на нас. «Не беспокойтесь!» — проговорил подбежавший официант и стал подбирать осколки разбившегося стекла. Он ушел и через несколько минут к нам подошел капитан парохода. Поздоровавшись и взглянув на дверь, капитан спокойно сказал: «Пойдемте наверх, оттуда лучше будет видно город при отходе парохода». Когда мы уже любовались открывшейся панорамой и спустились к салону, Кадлубовский, все еще взволнованный происшедшим, спросил меня тихо: «Какое безобразие я наделал. Интересно, сколько придется платить

за стекло?». Но подошедший официант только улыбнулся, услышав этот вопрос. Он пригласил нас в салон. Потом оказалось, что наше полное питание в течение всей дороги было, по указанию Мешкова, бесплатным. А пока мы обедали, новое стекло было вставлено в дверь и Арсений Петрович мог, наконец, успокоиться. Оснований для волнений никаких не было.

Пока мы стоял в Усолье и любовались панорамой соленосного района, в Соликамске уже готовились к нашей встрече по моей телеграмме, данной на имя председателя земской управы Антипина.⁴¹

Подъехав к Верх-Усольской пристани, мы увидели две пары хороших лошадей, которые нас быстро доставили в Соликамск. Там для нас уже была приготовлена квартира с полным питанием. Встретившись с Антипиным в управе, мы составили план ознакомления с Соликамском и пребывания в этом древнем северном городе XV века. Это было сделано при содействии нужных людей, которых председатель пригласил для этого в свой кабинет, где мы находились. Наша экспедиция долго восхищалась чудесным ансамблем соликамских церквей XVII века, которые незадолго до нашего приезда (кажется, в 1912 году) привели в восторг художника В. М. Васнецова.⁴² Мы долго стояли около крыльца летнего собора, зарисованного Васнецовым, и перед замечательной соборной колокольней. Кадлубовский с интересом выслушал от меня легенду о голубке на соборном кресте. (Когда-то давным-давно брат и сестра, разлученные в детстве, поженились, а когда с ужасом узнали о своем родстве, умерли, а голубок, летающий около их, взлетел на крест соборной колокольни и там окаменел.) Я, зная хорошо Соликамск, его старинные объекты, долго водил по городу нашу экспедицию.⁴³ Мы побывали в знаменитом Воеводском доме,⁴⁴ из которого в древности в оборонных целях проведен подземный ход за город, проходящий под речкой Усолкой. Затем мы долго знакомились с древними соликамскими актами и рукописными книгами, много беседовали с соликамскими сторожилами, производили наблюдения над говором их. Нам удалось записать в Соликамске десятки песен и сказок, а также много легенд, поверий и других произведений народного творчества.⁴⁵

Через несколько дней на другом пароходе, предоставленном для экспедиции по указанию Мешкова, мы приехали в Чердынь, где за две недели до этого я был по просьбе Н. В. Мешкова, подготовил все для соответствующего приема нашей экспедиции. Крупнейшие северные промышленники Алины, державшие уже много лет связи с охотниками Печерского края, направлявшие всю добычу этого охотничьего промысла в центр России и за границу, приняли нашу университетскую экспедицию и содействовали выполнению нами поставленных задач. Между прочим, когда я предварительно приезжал в Чердынь и явился в дом Алиных, хозяйка дома Анфия Даниловна Алина, дочь камского пароходчика Ржевина, жена Алина Николая Петровича (в то время отсутствовавшего в Чердыни), мне сказала, что бывший весной в Чердыни Мешков Н. В. просил их принять меня и предполагаемую университетскую экспедицию как самого Мешкова. И, действительно, прием у Алиных

нам был оказан замечательный. Для нашего пребывания был отведен особый дом со всеми удобствами. Питание было прекрасное. Надо вспомнить, что в это время в России повсюду были из-за войны продовольственные затруднения. Мы, конечно, у Алиных этого не испытывали. Между прочим, когда нам на первый ужин подали огромное блюдо с великолепной телятиной, залитой желе, мы от удивления переглянулись. Также мы очень удивились, когда в воскресенье утром из окон видели, как несколько человек из дома Алиных пронесли на головах большие доски с чем-то, покрытым широкими полотенцами. Сын Алиных, 16-летний юноша, реалист Петя, бывший при нас в роли гида, пояснил, что это несут от них десять больших пирогов на площадь для нуждающихся в питании и вообще желающих, что это у них, Алиных, фамильная традиция и делается это всегда по воскресеньям.

Алины специально для нашей экспедиции вызвали с Печоры сказителя Плотникова,⁴⁶ который был помещен в том же доме, где и мы. Плотников — старик с богатым репертуаром былинной поэзии. Кстати, он пропел нам много песен из свадебной обрядности, причем большинство свадебных песен Плотникова очень близко по стилю стоит к «вольным» текстам из Сборника Кирши Данилова.⁴⁷ Я записал от Плотникова ряд интереснейших свадебных наговоров дружек.⁴⁸

Узнав, что меня интересует свадебная обрядность, Алины позвали известных им чердынских свях, знавших дотошно свадебный репертуар и поручили им инсценировать для экспедиции народную чердынскую свадьбу. Мы получили возможность наблюдать и записать замечательную картину — чердынскую свадьбу. Потом я имел возможность сопоставить записанные тексты с записями Предтеченского, изданными в Пермском сборнике 1861.⁴⁹

Арсений Петрович прямо ликовал. В восторге была вся университетская экспедиция. Были моменты, когда дружки поговаривали так красочно и остроумно, что мы и присутствовавшие зрители искренне смеялись («тешились»).

Надо сказать, что помимо инсценировки свадьбы, девушки вели хоровод, исполняли пляски, игры, выкидывали фольклорные юморески. Все участники были в старинных русских костюмах, в ярких сарафанах. Картина была незабываемая, полная красоты и поэзии.

К сожалению, было неважно с музыкой. Мужская молодежь была на фронте. Перед нами выступали лишь три балалаечника с самодельными инструментами, дававшими глухие звуки, и один гармонист, тоже с неважной гармошкой. Но зато голоса девушек звучали замечательно, девушки были голосатые, красивые, полные жизни. В общем, это был показ народного поэтического богатства, хранившегося в Чердыни, среди белых ночей и хвойного аромата.

Экспедиция не только видела и слышала, но и глубоко чувствовала всю эту народную красоту, обаяние народного таланта, но она могла наблюдать непосредственный народный характер, народный юмор, когда после инсценировки для участников ее было устроено богатое и шумное «столованье» — пиршество.

В Чердыни мы также ознакомились с древними актами и старинными книгами как в музее,⁵⁰ так и в фамильном собрании Али-

ных. Между прочим, у Алиных была замечательная коллекция всякого рода редкостей, в частности по фауне Чердынского края и Севера. Я видел у них белую лисицу, редкостный экземпляр.

В Чердыни мы значительно наполнили свои диалектологические записи наблюдениями над говором чердынских старожилов.

После поездки на Вишеру (неудачной для экспедиции) мы на мешковском пароходе вернулись в Усолье. В Усолье ознакомились с рукописями, хранившимися в местном музее. Нашли редкостные и уникальные тексты, в частности агиографического и повествовательного жанров. По поводу этих находок А. П. Кадлубовский и я, по возвращении в Пермь, имели переписку с профессором Петроградского университета, моим учителем палеографии, И. А. Шляпкиным. В Усолье наше внимание привлекли памятники церковной архитектуры и Строгановский дом. Усольские сторожилы обогатили наш диалектологический материал. В Усолье удалось записать ряд фольклорных произведений. Из Усолья мы совершили еще две интересных поездки. Одну на лошадях за 12 верст в Орел-городок⁵¹ в историческое место, где в XVI веке Ермак, находясь у Строгановых, собирался в свой знаменитый поход в Сибирь. Орел-городок я знаю хорошо, в детстве бывал здесь неоднократно, в 1902 году наша семья здесь жила целое лето.

В Орле ознакомились с рукописными материалами, с памятниками церковной археологии и производили наблюдение над говором местных жителей.

Арсений Петрович с живым интересом ходил по древнему селу, расположенному на берегу Камы, восхищался красивыми пейзажами, здоровым лесным воздухом.

Из Орла-городка мы на мешковском пароходе снова поднялись по Каме, до другого исторического места — села Пыскора (бывшего Конкор), где в XVI веке был основан знаменитый строгановский родовой монастырь с его подземным ходом.⁵² На месте б<ывшего> Пыскорского монастыря и подземного хода я в 1915 году, вместе с И. Я. Кривошековым,⁵³ производил археологические раскопки.⁵⁴ Мы сошли на пристани в Пыскоре под горой, где притаился подземный ход. Остановились в доме, где в 1915 году была наша стоянка, у свящ. С. Котавщикова,⁵⁵ тогда содействовавшего нам при раскопках, особенно в бытовом отношении.

В Пыскоре мы осмотрели место раскопок, причем я давал экспедиции подробные пояснения. В Никольской древней церкви (на горе), оставшейся от Пыскорского монастыря и представляющей памятник русского зодчества XVI века, мы просмотрели рукописные и старопечатные книги. В 1915 году я вывез из Никольской церкви в Пермский музей замечательные по резьбе деревянные «царские врата».⁵⁶ Но в церкви осталось еще много памятников древней иконописи.

Старообрядческое население с. Пыскора своим говором дало нам интересный диалектологический материал.

По возвращении в Пермь наша экспедиция сделала в университете предварительное сообщение о поездке и о результатах обследования посещенных пунктов (Усолье, Соликамск, Чердынь, Пыскор, Орел-городок, Бахари на р. Вишере).

В печатном отчете ректора Пермского университета о деятельности университета за первый год его существования в 1916—1917 академический год (Пермь, 1918 г.)⁵⁷ отмечен факт поездки экспедиции ист<орико>-филологического факультета по Каме и Вишеру.

Когда я в Москве рассказывал фольклористам об экспедиции Пермского университета по Каме, всех особенно заинтересовал показ чердынского народного творчества, в частности — свадебной обрядности. Особенно этим восторгались известные фольклористы братья Соколовы Юрий Матвеевич и Борис Матвеевич.⁵⁸ Очень позавидовали экспедиции фольклорист Николай Евгеньевич Ончуков,⁵⁹ профессор Кагаров.⁶⁰

К большому сожалению, последующие после поездки в 1917 году политические события разбросали собранные нами научные материалы из области древнерусской письменности, этаграфии, фольклористики и диалектологии. Серьезная, очень тяжелая утрата для науки!

---

¹ Мешков Николай Васильевич (1851—1933) — крупнейший пермский предприниматель, известный меценат, общественный деятель. Родился в купеческой семье в Тверской губернии, после смерти отца остался без средств к существованию и в 1875 г. поступил на службу в крупную пароходную фирму «Товарищество Волжско-Невского пароходства». Через два года на заработанные деньги смог выкупить маленький пароходик и начать самостоятельную предпринимательскую деятельность; через тридцать лет Мешков стал одним из самых богатых и влиятельных людей на Урале. О его жизни, карьере и общественной деятельности см.: *Баялдина И.* Пермь купеческая. Пермь, 1997. С. 104—110; *Рабинович Р. И.* Опальный миллионер. Пермь, 1990; *Рабинович Р.* Его ценили многие (Деятельность Н. В. Мешкова в Перми) // Уральский следопыт. 1971. № 7. С. 29—30; *Быстрых Т.* «Забавные люди жили в России!»: (О судьбе Н. В. Мешкова) // Местное время. 1993. 23 нояб.; *Дубилет Н.* Дом Мешкова // Большая Кама. 1966. 25 мая; *Дубилет Н.* Пермский Савва Морозов // Вечерняя Пермь. 1970. 7 янв.

² В рукописи — «что»; вероятно, опечатка машинистки.

³ О создании Пермского университета в «Летописи Прикамья» говорится следующее: «С началом первой мировой войны возникла необходимость эвакуировать вглубь страны Юрьевский (Тартуский) университет. Выбор пал на Пермь. Городское управление приняло предложение, но не могло изыскать для этого необходимые средства и помещения. В этот критический момент пришла телеграмма из Нижнего Новгорода от Н. В. Мешкова, который жертвовал родному городу на организацию университета 500 тыс. рублей. Сам Мешков развил бурную деятельность в правительстве, добиваясь перевода Юрьевского университета именно в Пермь. Вскоре Совет названного университета принял решение об эвакуации в Пермь, но затем по ряду причин вопрос был снят с повестки дня. Тем не менее работа, проведенная Мешковым, не прошла даром. 13 июня 1916 г. последовало высочайшее соизволение на учреждение в Перми отделения императорского Петроградского университета. Мешков передал университету в пользование только что выстроенное им здание стоимостью в 1 миллион рублей, свой особняк, предпринимает строительство корпуса на месте кожевенного завода Алафузовых (сейчас это корпус № 5 ПГУ). Уже 1 октября этого же года состоялось торжественное открытие Пермского отделения Петроградского университета, который в мае 1917 г. постановлением Временного правительства получил статус самостоятельного университета» (Летопись Прикамья: К 200-летию Пермской губернии. Пермь, 1997. С. 125—126).

⁴ НКПС — Народный комиссариат путей сообщения.

⁵ П. С. Богословский, видимо, неправильно указал год встречи с Н. В. Мешковым: Мешков скончался не в 1924 г., а в 1933 г. Вероятно, они встретились имен-

но в этом году, так как в 1932 г. П. С. Богословский вынужденно покинул Пермь и переехал в Москву.

⁶ См.: *Чижов В.* Почему в случае эвакуации Юрьевский университет должен быть переведен в Пермь и что для этого необходимо? Пермь, 1916.

⁷ *Богословский П. С.* Университет в Перми (К переводу Юрьевского университета в Пермь) // Пермские губернские ведомости. 1915. 21 нояб.

⁸ У П. С. Богословского было четыре брата. В фонде ученого сохранились письма к нему Ивана Степановича и Сергея Степановича Богословских (РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 3, № 264—266).

⁹ Из исторического очерка Пермского университета следует, что А. И. Сырцов до 1923 г. был профессором университета и занимал там соответствующие должности. В частности, зимой 1921 г. была создана организационная комиссия, в которую входил и он. На основании решения данной комиссии Главпрофобр 3 июля 1922 г. постановил открыть в Пермском университете педагогический факультет. А. И. Сырцову было предложено возглавить отделение социального воспитания нового факультета, а позже — должность декана. Последние сведения о профессоре А. И. Сырцове следующие: «В октябре 1923 г. декана педагогического факультета профессора Сырцова заменил член партии, опытный преподаватель П. А. Бурдин» (см.: Пермский государственный университет им. А. М. Горького. Исторический очерк. 1916—1966. Пермь, 1966. С. 31). Библиографию трудов А. И. Сырцова см.: Пермский университет им. А. М. Горького. Фундаментальная библиотека. Библиографический указатель научных работ сотрудников за 1916—1965 гг. Пермь, 1966. С. 13—19.

¹⁰ Приблизительно до 1925 г. А. П. Дьяконов также являлся профессором Пермского университета и занимал ответственные должности: входил вместе с А. И. Сырцовым в состав комиссии по вопросу учреждения педагогического факультета в 1921 г.; возглавлял отделение гуманитарных наук нового факультета; даже входил в состав правления университета. См.: Пермский государственный университет им. А. М. Горького. Исторический очерк. С. 30, 35, 36, 46. Библиографию трудов А. П. Дьяконова см. по указателю, названному выше.

¹¹ *Кадлубовский Арсений Петрович* (1867—?) — профессор кафедры русского языка и словесности филологического факультета Петроградского университета. Высшее образование получил в Историко-филологическом институте князя Безбородко в Нежине. Диссертацию на степень магистра защитил в 1902 г. в Харьковском университете, где служил приват-доцентом с 1899 г.; с 1906 г. — экстраординарный профессор Харьковского университета; в 1915 г. переведен в Петроградский университет. См.: Петроградский университет. Филологический факультет. Список профессоров и преподавателей историко-филологического факультета бывшего императорского Петроградского университета с 1819 года. Пг., 1917. С. 22; Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805—1905). Харьков, 1908. С. 116—118 (2-я пагинация).

¹² См.: *Кадлубовский А. П.* Русские жития XV—XVI вв. и современные им направления русской религиозной мысли. Варшава, 1902.

¹³ А. П. Кадлубовский уехал из Перми, видимо, сразу после 1917 г., так как его работ нет в библиографии трудов Пермского университета. Сам П. С. Богословский указывал, что в 1920 г. его подготовкой к профессорскому званию руководил С. П. Обнорский «вместо выбывшего» А. П. Кадлубовского (РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 2, № 21, л. 16).

¹⁴ *Белецкий Александр Иванович* (1884—1961) — литературовед, академик АН Украинской ССР (с 1939 г.) и АН СССР (с 1958). В 1907 г. окончил Харьковский университет. Был директором Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР (1939—1961). Исследовал вопросы теории литературы, психологии художественного творчества, истории отечественной и мировой культуры от древних времен до современности. Основные труды собраны в книге «От древнейших времен и современности. Сборник статей по вопросам украинской литературы» (1960. Т. 1—2) и пятитомном «Собрании трудов» (1965—1966).

¹⁵ *Булаховский Леонид Арсеньевич* (1888—1961) — филолог, языковед. В 1910 г. окончил славяно-русское отделение историко-филологического факультета Харьковского университета. В 1916 г. сдал магистерские экзамены. Около пяти лет, до 1921 г., работал в Перми. В 1939 г. избран действительным членом АН УССР. С 1944 до 1961 г. возглавлял Институт языковедения АН УССР (Киев).

¹⁶ *Обнорский Сергей Петрович* (1888—1962) — филолог, языковед. В 1910 г. окончил историко-филологический факультет Петербургского университета и был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Еще до сдачи магистерских экзаменов был приглашен в Академию наук для участия в редактировании словаря современного русского языка. После сдачи магистерских экзаменов был командирован в только что открывшийся Пермский университет. С 1922 по 1941 г. жил и работал в Ленинграде, являясь профессором университета и заведующим кафедрой русского языка. В 1931 г. избран членом-корреспондентом, а в 1939 г. — действительным членом АН СССР. После открытия в Москве в составе Академии Института русского языка стал его директором (до 1950 г.). С. П. Обнорский был одним из корреспондентов П. С. Богословского (см.: РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 3, № 158).

¹⁷ Единственный источник информации об И. Г. Раеве — данная рукопись П. С. Богословского.

¹⁸ То же.

¹⁹ *Шляпкин Илья Александрович* (1858—1918) — филолог, член-корреспондент Академии наук (1907). Окончил в 1881 г. историко-филологический факультет Петербургского университета; в 1891 г. защитил магистерскую диссертацию на тему «Св. Дмитрий Ростовский и его время». С 1888 г. — приват-доцент Петербургского университета; с 1901 г. — экстраординарный профессор; с 1907 г. — ординарный профессор. См.: Петроградский университет. Филологический факультет. Список профессоров и преподавателей историко-филологического факультета бывшего императорского Петроградского университета с 1819 г. Пг., 1917. С. 60.

²⁰ С 1914 г., сразу же после возвращения из Петербурга в Пермь, П. С. Богословский включился в работу Пермского епархиального церковно-археологического общества и вскоре стал товарищем его председателя. В 1917 г., в силу исторических обстоятельств, Общество прекратило свое существование. Подробнее см.: *Иванова Т. Г.* П. С. Богословский и его фонд в Рукописном отделе Пушкинского дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 8—9.

²¹ См. следующие работы П. С. Богословского по этой проблематике: *Рукописная традиция в Шадринском фольклоре // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1924. Вып. 1. С. 66—70; Из местных историко-литературных разысканий (I—III) // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1926. Вып. 2. С. 20; Демонологический рукописный мотив и северная сказка // Север. Вологда, 1923. Кн. 2. С. 170—173.*

²² *Тихонравов Николай Саввич* (1832—1893) — филолог. В 1849 г. поступил в Главный педагогический институт в Москве; в 1850 г. перевелся на второй курс Московского университета, который окончил в 1853 г. В 1859 г. возглавил кафедру русского языка и словесности и открытые при университете Педагогические курсы. В 1863 г. избран членом-корреспондентом АН; в 1890 г. — академиком. В 1870 г. — экстраординарным и вскоре ординарным профессором Московского университета. С 1877 по 1883 г. дважды избирался ректором Московского университета.

Н. К. Гудзий давал Н. С. Тихонравову следующую характеристику: «Еще в студенческие годы Н. С. Тихонравов занял жесткую позицию по отношению к тем критикам, которые считали, что русской литературы нет, и в связи с этим поставил проблему изучения отечественной литературы, предложил филологам начать работу над сочинением, которое охватывало бы древнюю и новую русскую литературу, с тщательным ее обзором».

Тихонравов обращает внимание на то, что в поле зрения литературных критиков попадают только сочинения писателей, признанных классиками, при этом в стороне ценные литературные источники, которым отказано в эстетическом значении. Приводит в пример „Житие протопопа Аввакума“, повесть о Савве Грудцыне, о Шемакином суде, о Вавилонском царстве, апокрифическую литературу и другие древние произведения, впервые, кстати, изданные им самим в „Летописи русской литературы и древности“.

В соответствии со своими взглядами Тихонравов утверждает несомненное взаимовлияние народного творчества и русской литературы, по терминологии Тихонравова, „искусственной“. „Народная“ литература, по мере приобщения народа к образованию, постепенно воспринимает в себе элементы „искусственной“, которая в свою очередь стремится приобщиться к народной стихии, проникнуться ее духом.

Таким образом, по Тихонравову, без тщательного изучения древней русской литературы невозможно определить значение литературы современной.

В полном соответствии со своими убеждениями, предпринятые Тихонравовым издания древней русской литературы отличались строгой критичностью, продуман-

ностью, тщательным отбором, безупречным воспроизведением текстов наиболее авторитетных рукописей» (см.: *Гудзий Н. К.* Николай Саввич Тихонравов. М., 1956. С. 58—59).

²³ Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки / [Сост. А. В. Горский, К. И. Невоструев]. М., 1855—1916. Т. 1—6.

²⁴ *Лескин Август* (1840—1916) — немецкий языковед. Профессор Лейпцигского университета (1870), действительный член Берлинской и Мюнхенской академий, член-корреспондент Петербургской академии наук. Автор «Руководства по древнеболгарскому языку» (1871), «Грамматики древнеболгарского (древнецерковно-славянского) языка» (1904), «Грамматики сербо-хорватского языка» (1914).

²⁵ См.: *Лескин А.* Грамматика древнеболгарского (древнецерковно-славянского) языка / Перевод Н. Петровского. Казань, 1915.

²⁶ *Тупицын Александр Евграфович* — сын Евграфа Козьмича Тупицына (1832—1878), самородка, получившего фосфор в домашних условиях. А. Е. Тупицын в течение восемнадцати лет был директором Марьинского банка; избирался гласным Городской думы (см.: *Баяндина И.* Пермь купеческая. Пермь, 1997. С. 128—136).

²⁷ *Вологдин П. А.* Пермский фосфорный завод братьев Тупицыных. Пермь, 1889.

²⁸ В своей автобиографии П. С. Богословский отмечал, что пермская 2-я мужская гимназия была создана «в противовес первой, классической, гимназии, для детей демократических слоев населения» (РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 2, № 21, л. 7 об.). В рукописи имеется явная опечатка: «латышский язык» вместо «латинский язык».

²⁹ Во время Первой мировой войны руководители австро-германского блока пообещали правительству Болгарии части территорий Сербии, Греции, Румынии и даже Турции и тем самым добились вступления Болгарии в соглашение с Германией и Османской империей — оформление Четверного союза (Германия, Австро-Венгрия, Турция, Болгария) в сентябре 1915 г.

³⁰ *Алины* — крупная купеческая династия. Алины начали выдвигаться еще в начале XVII в., а на рубеже XIX—XX вв. их капитал оценивался в несколько миллионов рублей. Алины были монополистами в закупке пушнины, дичи, рыбы в Чердынском, Печорском, Усть-Сысольском уездах. Как свидетельствуют товарные книги приказчика Алиных, сохранившиеся в архиве Чердынского краеведческого музея, Алины иногда за сезон отправляли из Чердыни в Петербург до 300 тысяч мороженных рябчиков, много рыбы, шкурки пушных зверей. Из пяти каменных церквей, построенных на главных холмах Чердыни, одна — Успенская — прозвана в народе «алинской» (ее построил купец Алин). Алины были также владельцами двух усадеб в Чердыни. См.: *Баяндина А.* Пермь купеческая. Пермь, 1997. С. 50—51; *Чагин Г.* Чердынь. Краткий исторический очерк. Пермь, 1972. С. 37—39, 45.

³¹ О Кутимском заводе см.: *Шестаков И.* Кутимский завод // Пермские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. 1893. Без №. С. 223—248.

³² Сведениями о В. Ф. Антипине мы не располагаем. В своей автобиографии П. С. Богословский упоминает о другом своем ядре по материнской линии, М. Ф. Антипине: «Брат матери, тоже начавший свою деятельность учителем, был очень любознательным человеком, занимался собиранием разнообразных краеведческих материалов, в частности, метеорологических и этнографических (м<ежду> пр<очим>, опубликовал часть в „Записках“ У<ральского> О<бщества> Л<юбителей> Е<стествознания>), был связан с Русским Географическим обществом, для которого, м<ежду> пр<очим>, занимался переводом с коми-пермяцкого языка» (см.: РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 2, № 21, л. 3 об.).

³³ В рукописи — «знамена того»; явная опечатка машинистки.

³⁴ *Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович* (1852—1912) — крупный писатель, прозаик, уроженец Урала. Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка было предметом научных интересов П. С. Богословского. См.: *Богословский П. С.* 1) Памяти писателя-пермяка Д. Н. Мамина-Сибиряка // Научно-педагогический вестник. Пермь, 1923. № 1. С. 48—61; 2) К анализу социальной типологии Мамина-Сибиряка // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1928. Вып. 4. С. 238—271; *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Приваловские миллионы / Ред., статьи и коммент. П. С. Богословского. М., 1935. П. С. Богословский готовил комментарии также к очерку Д. Н. Мамина-Сибиряка «Бойцы». См.: *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Бойцы. Очерки весеннего сплава по реке Чусовой // Д. Н. Мамин-Сибиряк. Избранные сочинения: В 5 т. Свердловск, 1935. Т. 2. С. 350—352 (комментарии П. С. Богословского). В этом же издании ученым подготовлены комментарии к «Приваловским миллионам», «Горному гнезду», «Трем концам».

³⁵ Так в рукописи.

³⁶ Камень Полгод расположен на правом берегу Вишеры, высота 525 м. См.: Чагин Г. Чердынь. Краткий исторический очерк. Пермь, 1972. С. 16. Приведем следующий вариант легенды о Пеле: «В конце XV—середине XVI в. на Чердынь было совершено несколько опустошительных набегов тюменских татар. Видимо, в это время и сложилась легенда. Богатырь жил на горе, в которой хранилось у него много богатств. Когда из-за Уральских гор шли неприятели, богатырь разводил костер, чтобы был виден в Чердыни и жители могли приготовиться к отпору. Но однажды из-за гор пришла огромная орда, и богатырь решил сражаться сам. Три дня воевал, а враги все идут. Рассердился он тогда, топнул ногой, — затряслась земля, вышла из берегов Вишера и потопила врагов в своих водах. А кто остался в живых, долго рассказывал на своей родине, что в Чердынь ходить опасно. Ушел богатырь в свою пещеру и спит, пока новые недруги не придут. А след великана до сих пор виден на скале у самой вершины» (Чагин Г. Чердынь. Краткий исторический очерк. С. 16—17).

³⁷ Так в рукописи; по-видимому, это характерная для П. С. Богословского форма прилагательного от слова «Альпы».

³⁸ В рукописи — «ожидавшийся»; явная опечатка машинистки.

³⁹ В рукописи здесь пробел, свидетельствующий о том, что одно слово машинисткой не было прочитано.

⁴⁰ В рукописи здесь пробел, свидетельствующий о том, что одно слово машинисткой не было прочитано. Слово «нужна» введено нами.

⁴¹ Об Антипине мы нашли сведения в книге В. И. Бакулина. Антипин, представитель состоятельной части горожан, на последних перед революцией выборах в органы местного самоуправления был избран председателем Соликамской земской управы. Первый год после Февральской революции он находился в центре городских событий. 3 марта 1917 г. Антипин первый узнал из телеграммы из Перми об отречении царя; 5 марта губернатором Пермской области и губернским комиссаром Временного правительства Лозинским он был назначен комиссаром Соликамского уезда. Во время посылки в «антисоветски настроенный Соликамск» отряда красногвардейцев Антипин, видимо, попытался бороться с их мародерством и самоуправством. В Березниковском краеведческом музее сохранилась телеграмма, отправленная Антипиным 1/14 февраля 1918 г. в Пермское губернское земство: «Город от Красной гвардии полным террором. Вчера ими был устроен провокаторский митинг. Результат стрельба. Семь жертв. Население все обезоружено. Масса арестов. Обещают самосуды. Ради Бога выручите». Вскоре Антипин вместе с другими должностными лицами Соликамска был доставлен под конвоем в Усолье, на только что начавший работу 1-ый уездный съезд Советов. Антипину было предложено «отчитаться за свою деятельность перед делегатами съезда», после чего он был оставлен в распоряжении исполкома Совета для полной проверки его деятельности и передачи дел представителям новой власти. После этих событий Антипин перебрался в Пермь. С приходом армии Колчака в Соликамске были восстановлены прежние органы власти и самоуправления, и Антипин был приглашен занять прежнюю должность. Дальнейшая судьба Антипина нам неизвестна. См.: Бакулин В. И. Соликамский (Усольский) уезд в 1917—1919 гг. Соликамск, 1995. С. 10, 21—22, 39—42, 86.

⁴² Васнецов Виктор Михайлович (1848—1926) — выдающийся русский художник.

⁴³ П. С. Богословский окончил Соликамское духовное училище. Воспоминания об этом времени под названием «Соликамские фрагменты» хранятся в РО ИРЛИ (ф. 690, оп. 2, № 24).

⁴⁴ П. С. Богословский упоминает о Воеводском доме как о памятнике архитектуры XVII в. в других своих воспоминаниях (см.: РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 2, № 21).

⁴⁵ Фольклорные записи, сделанные в Соликамске, не сохранились.

⁴⁶ Единственный источник информации о сказителе Плотникове — данные меуары П. С. Богословского.

⁴⁷ Позднее Сборник Кириши Данилова станет предметом научных разысканий П. С. Богословского. Ученый отстаивал гипотезу уральского, а не сибирского, как считали другие исследователи, происхождения этого памятника народной поэзии. Впервые П. С. Богословский доказывал этот тезис в своей статье, посвященной песне об Усах из рукописи Кириши Данилова (см.: Богословский П. С. Песня об Усах из Сборника Кириши Данилова и камская вольница. Опыт анализа и локализации текста // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1928. Вып. 4. С. 1—117). Это же

положение развивается и в диссертационном исследовании П. С. Богословского (см.: РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 1, № 7, 8).

⁴⁸ Фольклорные записи от Плотникова не сохранились.

⁴⁹ См.: *Предтеченский Я. О свадебных обрядах города Чердыни* // Пермский сборник. Пермь, 1859. Кн. 1. С. 1—129; Кн. 2. С. 132—161.

⁵⁰ Чердынский краеведческий музей им. А. С. Пушкина был создан по инициативе председателя уездной земской управы Д. А. Удинцева в 1899 г. в день столетия со дня рождения поэта. См.: *Чагин Г. Чердынь. Краткий исторический очерк*. Пермь, 1972. С. 48.

⁵¹ Орел-городок был основан в 1564 г. Строгановыми при впадении р. Яйвы в Каму и первоначально назывался Кергеданом. История этого поселения тесно связана с именем Ермака, и в настоящее время здесь установлен обелиск его дружине. См.: *Летопись Прикамья: К 200-летию Пермской губернии*. Пермь, 1997. С. 15.

⁵² «Пыскорский ставропигиальный монастырь, т. е. находившийся под управлением самого патриарха, — говорится в „Летописи Прикамья“, — древнейший в Пермском крае. Основан в 1558—1560 гг. „ижидвением“ именитого человека Анники Строганова на пожалованной ему в 1558 году земле. Монастырь быстро рос и богател. Ему принадлежали огромные земли, до 50 сел и деревень с 3528 ревизскими душами, несколько солеварен, три подворья, причем два из них — в Москве.

С образованием губернского города Перми в 1791 году монастырь был упразднен, а вся ризница, утварь, колокола, строительный материал перевезены в Пермь, где предполагалось строить новую обитель. История перевода монастыря в Пермь связана с именами генерал-губернатора Е. П. Кашкина и А. А. Волкова. В конечном итоге все перевезенное имущество монастыря поступило в собственность Пермского кафедрального Спасо-Преображенского собора. Иконостас бывшего Пыскорского монастыря сейчас находится в Пермской художественной галерее» (см.: *Летопись Прикамья: К 200-летию Пермской губернии*. Пермь, 1997. С. 14).

История Пыскорского монастыря была предметом научных интересов П. С. Богословского, в частности, одна из его статей посвящена архимандриту Иакинфу. См.: *Богословский П. С. Архимандрит Иакинф (Со старинной рукописи)* // *Известия Пермского епархиального церковно-археологического общества*. Пермь, 1915. Вып. 1. С. 67—79.

⁵³ *Кривошеков Иван Яковлевич* родился 7 августа 1854 г. в Кудымкаре в семье крепостных людей графини Строгановой. Закончил Усольское училище, затем земледельческую школу в Москве. Служил лесничим в имении Строгановых. Занимался активной общественной и просветительской деятельностью. После увольнения со службы работал в земстве, был библиотекарем Пермского научно-промышленного музея и губернской ученой архивной комиссии. За свои труды по географии Прикамья И. Я. Кривошеков был удостоен звания действительного члена Русского географического общества. См. труды И. Я. Кривошекова: *Древние Пермь, Югра, Печора в их историческом прошлом до эпохи великих реформ императора Александра II (краткий хронологический перечень событий)* // *Известия Пермского епархиального церковно-археологического общества*. Пермь, 1917. Вып. 2. С. 55—95; *Географический очерк Пермской губернии*. Пермь, 1904; *Кама как водный путь (Географический очерк с картой)* // *Ежегодник Пермского губернского земства и календарь на 1914 год*. Пермь, 1914. С. 158—166 и др. О И. Я. Кривошекове: *Вишневский Б. Н. Географ-краевед Иван Яковлевич Кривошеков*. Пермь, 1961.

⁵⁴ См.: *Богословский П. С. Подземный ход и археологические раскопки в селе Пыскоре Соликамского уезда* // *Известия Пермского епархиального церковно-археологического общества*. Пермь, 1915. Вып. 1. С. 92—140.

⁵⁵ Единственный источник о С. Котавщикове — мемуары П. С. Богословского.

⁵⁶ См.: *Богословский П. С. Из собрания церковной старины при Пермском церковно-археологическом обществе* // *Известия Пермского епархиального церковно-археологического общества*. Пермь, 1915. Вып. 1. С. 24—31; *он же*. *Вновь поступившие в Древлехранилище церковно-археологического общества предметы* // Там же. С. 59. В настоящее время царские врата находятся в Пермской художественной галерее. См.: *Пермская художественная галерея. Путеводитель*. Пермь, 1959. С. 106.

⁵⁷ Отчет об открытии Пермского отделения Петроградского университета и его деятельности в 1916—1917 учебном году. Пермь, 1918 (в библиотеках С.-Петербурга отсутствует).

⁵⁸ *Соколовы Борис Матвеевич* (1889—1930) и *Юрий Матвеевич* (1889—1941) — видные фольклористы, ученики В. Ф. Миллера, представители исторической школы:

ведущие фольклористы первых двух десятилетий советской науки. Подробнее о них см.: *Иванова Т. Г.* Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках. СПб., 1993. С. 60—85; *Бахтина В. А.* Фольклористическая школа братьев Соколовых (Достоинство и превратности научного знания). М., 2000.

⁵⁹ *Ончуков Николай Евгеньевич* (1872—1942) — видный собиратель народной поэзии; составитель сборников «Печорские былины» (СПб., 1904), «Северные сказки» (СПб., 1908), «Северные народные драмы» (СПб., 1911). В 1922—1924 гг. Н. Е. Ончуков, не имевший высшего образования, работал в Пермском университете и был ассистентом П. С. Богословского, когда тот уже стал профессором. Сам же П. С. Богословский, будучи студентом Петербургского Историко-филологического института, писал сочинение по «Печорским былинам» Н. Е. Ончукова (см.: РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 2, № 21, л. 6 об.).

⁶⁰ *Кагаров Евгений Георгиевич* (1882—1942) — видный этнограф, фольклорист. После окончания в 1906 г. историко-филологического факультета Новороссийского университета и двухгодичной командировки за границу в 1912 г. защитил диссертацию «Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции». С 1925 г. Е. Г. Кагаров занимал должность заведующего кафедрой этнографии Ленинградского университета; с 1932 г. по совместительству работал в Институте этнографии. Умер на Северном Кавказе, куда был вывезен из блокадного Ленинграда. Е. Г. Кагаров был среди корреспондентов П. С. Богословского (см.: РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 3, № 97). Подробнее о нем см.: Евгений Георгиевич Кагаров — профессор Харьковского университета: Библиография. Харьков, 1997.